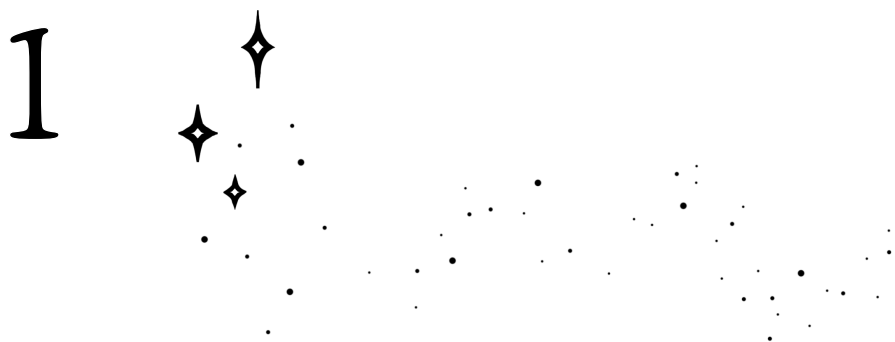

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

ОКАЗЫВАЕТСЯ, БЫТЬ ПРОКЛЯТОЙ — ЭТО НЕ СОВСЕМ так, как ожидалось. Во-первых, ты испытываешь страх. А во-вторых, замечаешь красоту — настоящую красоту. Когда ты уверена в том, что долго смотреть на мир тебе не придется, он становится таким прекрасным!

Краски сияют ярче — даже сейчас, в декабрьских сумерках, когда почти совсем стемнело. Прохладный туман с реки смешивается с сиянием города в золотисто-голубом пятне. Похоже на шкатулку с драгоценностями, на которую смотрят сквозь полуприкрытые веки. Будто в твоей крови ощущается сам дух города.

Прошло тридцать шесть дней с тех пор, как из-за меня погибли две женщины. Одна из них пыталась убить меня, другая — спасти мне жизнь.

— Вот ты где, — говорит Фиона, открывая дверь в дом Нуалы.

Как бы рано я ни приходила, она теперь всегда оказывается первой.

— Заходи. Общество Апокалипсиса уже собралось.

Она проводит меня на кухню. И правда, здесь уже все: Мэнон изучает стопку листов в переплете, Нуала достает что-то из духовки, Ро чистит ножом яблоко, Лили просто сидит на кухонном столе.

Вопрос: виноваты ли мы непосредственно в смерти Хэзер Бэнбери и сестры Ассумпты или это все случайность? Учитывает ли Домохозяйка несчастные случаи или размахивает своим оружием независимо от того, кто прав и кто виноват?

— В этом-то и проблема, — говорит Нуала, жестикулируя деревянной ложкой. — Домохозяйка — это просто чистая месть без всякого осуждения. Она не из тех, кто принимает решения. Скорее как заводная игрушка. Не так ли, Мэйв?

Я даже не сняла пальто.

— Почему со мной больше никто не здоровается? — возмущенно говорю я. — Я что, покойник?

— Пока нет, — задумчиво произносит Манон, выделяя на листе строчку желтым маркером. — Но, возможно, скоро будешь.

— Что ж, и тебя с Рождеством.

За последние тридцать лет известно три случая появления Домохозяйки. Первый — это когда ее вызвала сестра Нуалы, Хэвен, обменявшая свою жизнь на смерть их жестокого отца.

Второй раз ее вызвал Аарон, чтобы вырваться из своего ультраправого христианского реабилитационного центра. Тогда она забрала его друга, Мэтью Мэдисона. Именно вину за эту смерть Аарон три года пытался искупить, находясь в цепких лапах «Детей Бригитты».

И в третий раз ее вызвала Лили. В результате неудачного гадания на картах Таро, завершившегося тем хаосом, который и собрал всех нас вместе.

Кто знает, к чему может привести четвертый визит? Кто станет жертвой, а кого пощадят? Аарон не стал дожидаться.

Я наклоняюсь, чтобы поцеловать Ро в щеку, и от этого движения распутывается мой толстый шарф.

— Привет, — произносит он, прижимаясь ко мне. — Ты замерзла.

— Привет.

Лили рисует на окне акриловыми красками, согнув колени и встав ногами в кухонную раковину. Рисунок похож на какую-то очень диковинную свинью с мордой посреди красно-зеленых вихрей.

— Что это?

— Кабан. Йольский кабан.

— А, ну да.

Лили откидывает прядь светлых волос с лица.

— Не хотелось изображать что-то скучное вроде рождественской елки. Подумала, что можно изобразить что-нибудь языческое. Подходящее для зимнего солнцестояния.

— Отсюда и йольский кабан.

Продолжая рисовать, Лили улыбается сама себе.

— Да, отсюда и кабан.

В тот раз, когда мы с Лили вызвали Домохозяйку, она явилась через несколько дней. А мы ведь даже не собирались ее вызывать. Она была просто духом, случайно пробудившимся в результате объединения моей сенситивности с энергией магического колодца под Килбегом и нашей с Лили ненависти друг к другу. Дори же заявила, что собирается вызвать Домохозяйку, почти месяц назад. К этому времени она уж точно должна была бы появиться.

Предупреждение Дори было яснее некуда. Она говорила, как королева фей, с ослепительной улыбкой предлагая нечестные сделки. «Дети» желали полного господства над колодцем в Килбеге и готовы были пойти на все, лишь бы получить его. На все, кроме убийства. Убийство в магическом мире доставляет гораздо больше хлопот, чем пользы, потому что последствия убийства рано или поздно возвращаются бумерангом к тому, кто все это затеял. Но если по какой-то очень серьезной причине вызвать Домохозяйку, то она сможет проделать всю грязную работу за вас. Так где же она?

— Для начала нужно понять, действительно ли у них есть серьезная причина обращаться к ней, — говорит Манон.

— Мы же убили Хэзер Бэнбери, — уверенно заявляет Ро.

— Нет, не убили, — отвечает Фиона странно высоким голосом. — Она погибла случайно.

— В тот момент, когда была обездвижена нашей магией, — поправляет ее Нуала. — Хотя, если бы «Дети» не пришли на корт, то ничего бы не случилось. Значит, они тоже в какой-то степени виноваты.

— С чьей точки зрения? — спрашивает Лили, не отрываясь от своего рисунка.

— Не знаю, — разводит руками Нуала. — С точки зрения великой космической бухгалтерской книги, в которой подсчитываются наши честные и нечестные дела?

— «Справедливость», — говорит Фиона, показывая карту Таро.

Пусть я и «сенситив», но в последнее время Фиона почти настолько же чувствительна к картам, как и я. Перетасовав колоду, она стучит ею дважды по столу и аккуратно раскладывает карты в ряд.

В это мгновение, словно в ответ, раздается стук по стеклянному окну кухонной двери. За стеклом порхает сорока с оранжевыми пятнами на крыльях, ожидая, когда ее впустят в дом. Фиона тянется к ручке.

— Не пускай эту тварь сюда, — морщит нос Манон.

— Не говори так о Паоло, — возражает ей Фиона.

Похоже, в последнее время Фиона одержима Паоло и Манон, которые стали для нее как величайшим наваждением, так и источником постоянных конфликтов.

— Ненавижу птиц, — пожимает плечами Манон.

Сорока по имени Паоло запрыгивает внутрь и садится на длинный кран. Лили переступает с ноги на ногу. Паоло начинает водить клювом по носику крана в поисках воды.

— Можно наполнить миску, Нуала? — спрашивает Фи.

— Можно, милая.

— Фионуала! — протестует Манон. — Фин!

Как и многие брошенные дети, Манон порой обращается к своей матери очень формально, называя ее по имени.

— Мэнни, ну какой от него вред? — примирительно отзывается Нуала.

— Просто он мне не нравится, и все.

Ближе всего к шкафу нахожусь я, поэтому и наполняю миску для Паоло фильтрованной водой из холодильника. Я не знаю, что думает или чувствует Паоло, но мне кажется, что он предпочитает как раз фильтрованную воду. В конце концов, он фамильяр Фионы, а Фиона любит все «изысканное».

Фиона смотрит на птицу, и через мгновение та садится к ней на плечо.

— Ну как? — спрашиваю я, стараясь звучать как можно менее озабоченно. — Он принес какие-нибудь новости?

Фи наклоняет голову, затем закрывает глаза. Сорока не трогает ее, не возится с ее волосами, но ясно, что они как-то общаются между собой. Паоло стал нашим маленьким дроном, исследующим город с воздуха.

— Нет, — отвечает наконец Фиона, открывая глаза.

— Точно? Откуда ты знаешь? — не унимаюсь я.

— Я знаю то, что знает Паоло. А он его не видел. Как и «Детей».

— Мы до сих пор делаем вид, что Аарон и «Дети» — это разные вещи? — спрашивает Ро, продолжая очищать яблоко, с которого свисает длинная полоса кожуры, едва не касающаяся пола. — Ну, то есть посмотрим правде в глаза. Он же вернулся к ним, разве не так?

— Мы этого не знаем, — отвечаю я. — У нас нет никаких доказательств.

Аарон исчез после разговора с Дори, в день похорон сестры Ассумпты. Истоковать это можно лишь двумя способами: либо он предал нас, либо струсил. Вообще, в случае с Аароном, трудно понять, что это было. В конце концов он был довольно искусным манипулятором, да еще и работавшим на правый религиозный культ, что свидетельствует как о слабости, так и о склонности к предательству. Правда,

у него нашлось смелости выйти из культа и радикально переоценить свои взгляды, что говорит о смелости и о силе характера.

Где же ты, Аарон?

Когда мы впервые встретились, он с помощью психологических уловок и давления заставлял подростков присоединиться к «Детям Бригитты». Помню, как мы еще поссорились с Ро в автобусе по дороге домой. «*Вы с ним одного поля ягода*», — сказал тогда Ро.

Я пришла в бешенство. Но, как оказалось, Ро не так уж и заблуждался. Мы с Аароном оба сенситивы, оба родились, чтобы охранять магию наших родных городов, и оба потерпели неудачу. Чем дольше я задумываюсь об этом, тем сильнее меня охватывает тревога. Жестокость, черствость, хищническое поведение — все, что я видела в Аароне, — неужели все это есть и во мне? Единственное, что нас разделяет, это скудные подробности личной жизни: я родилась в либеральной, творческой семье, и родители позволяли мне бродить по дому с картами Таро, а Аарон родился в правоверной христианской семье, которая хотела запереть его, едва узнав о его «сенситивности» — как и о его обсессивно-компульсивном расстройстве.

Я хочу, чтобы он вернулся, и не только потому, что он нам нужен, если мы собираемся бороться с «Детьми». Я хочу, чтобы он вернулся и напомнил мне, что мы разные. И еще я хочу, чтобы он вернулся и успокоил меня, напомнив, что мы одинаковы.

— Паоло говорит, что появились новые объявления о пропаже какого-то мальчика, — внезапно говорит Фиона.

— Кого?

— Он не знает. Паоло не умеет читать.

Произнесено это таким тоном, как будто разъясняют очевидные вещи самому непонятливому идиоту.

— Тогда как он узнал, что это объявление о пропаже?

— Он понимает *интуитивно*.

— Где он видел эти объявления, Фи? — спрашивает Нуала, ставя перед Фионой чашку чая.

Фи снова закрывает глаза. Она представляет мысленно картину — так же, как это делаю я с помощью телепатии. Она пробирается в воспоминания Паоло, пытаюсь увидеть то, что видел тот, преодолевая возможные ограничения небольшого птичьего мозга размером с арахис.

— Надписи размыты, — произносит она, — но это белый мальчик. Волосы каштановые. Плакат... нет, не в городе... в какой-то деревне... в сельской местности. На фоне виднеется нечто вроде фермы.

— *Incroyable*¹, — серьезно говорит Манон, откладывая книгу.

Процентов восемьдесят всего времени она выглядит отстраненной, но если что-то по-настоящему привлекает ее внимание, она совершенно искренне высказывает свое мнение по-французски.

Этот комплимент немного снижает концентрацию Фионы. Я не знаю, призналась ли она Манон в своих чувствах. Она даже мне еще не говорила о том, что чувствует к Манон, но знает, что я знаю. Когда тебе так хорошо известен чей-то мозг, невозможно не заглядывать в него время от времени и не копаться в нем. В том, чтобы иметь близкую подружку-телепата, есть некоторая неловкость; обе мы притворяемся, что я ничего не знаю, и в этом притворстве проскальзывает своего рода благодарность. «*Спасибо, что не расспрашиваешь меня о моих секретах*».

Нуала достает блокнот и записывает информацию, которой поделился Паоло.

— Это уже третий случай за месяц, — говорит она.

— А сколько детей обычно пропадает без вести? — спрашивает Ро. — И да, я понимаю, что это странный и глубоко трагичный вопрос.

¹ Невероятно (*фр.*).